

У. А. Гутнер

Съезды Русского студенческого христианского движения как проявление соборности Православной церкви

В статье рассматривается вопрос возрождения соборности в Православной церкви на примере истории Русского студенческого христианского движения. Первый Пшеровский съезд РСХД стал важнейшим как для всей деятельности Движения, так и при проведении последующих съездов. Общие и региональные съезды РСХД проходили в свободном церковном общении, в единстве клира и мирян. Это единство созидалось постепенно, общими усилиями сразу в нескольких направлениях: в личном общении священства, руководителей и молодых членов Движения; в тематических докладах и семинарах, раскрывающих глубину Православия; в литургии как центре соборности. Общее причастие св. таинствам, завершающее съезды, становилось духовной вершиной съездов-соборов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Русское студенческое христианское движение, Пшеровский съезд, литургическое возрождение, духовное просвещение, соборность.

История Русского студенческого христианского движения (РСХД) неразрывно связана с религиозным возрождением России конца XIX — начала XX века. Руководители РСХД, среди которых на первом месте стоят профессора В. В. Зеньковский (первый председатель), Н. А. Бердяев, о. Сергей Булгаков, являлись прямыми продолжателями идей А. С. Хомякова и славянофилов и, что немало важно, имели личный опыт подготовки и участия в Поместном соборе 1917–1918 гг. Они понимали соборность как «такой строй церкви, в котором сочетаются иерархичность и широкое участие мирян, единомыслие и свобода, верность традиции и открытость новым идеям» [Зернов, 94]. РСХД возникло как мирянское движение: и старшее поколение руководителей, и младшее — эмигрантской молодежи были в большинстве мирянами, в своей духовной жизни тесно связанными с православной церковью.

Главной целью Движения было воцерковление молодежи. РСХД, начав свое существование в 1923 г. как объединение христианских студенческих кружков, распространилось по всем центрам русской эмиграции в Европе: в 1923–1939 гг. кружки РСХД существовали во Франции, Чехословакии, Югославии, Германии, Болгарии, Прибалтике. Еженедельные собрания кружков были посвящены изучению евангелия, православного богослужения, чтению и обсуждению духовной литературы, как традиционной святоотеческой, так и современной религиозно-философской. В течение многих лет — с 1923 по 1930 г. — РСХД проводило ежегодные общие съезды (последний общий съезд, после двухлетнего перерыва, прошел в 1933 г.). В их работе отражались и фиксировались все изменения, происходившие в жизни РСХД, решались принципиальные вопросы, такие как выборы председателя и центрального комитета (позже Бюро, Совета) РСХД, вопросы реорганизации; делались подробные финансовые отчеты. Именно эта сторона съездов в первую очередь исследовалась историками Движения [Гуревич], однако она не показывает их полноты как соборного события церковной жизни.

Кроме того, в исследованиях, посвященных истории РСХД, не рассматривается вопрос проведения региональных (местных) съездов, хотя они играли большую роль в жизни Движения. Перед нами стоит цель показать, как складывалось и в чем проявлялось соборное начало на съездах РСХД. В статье будут рассмотрены как общие, так и региональные съезды, проходившие в период с 1923 по 1939 гг., который принято называть «классическим» в истории РСХД [Гуревич, 113].

Съезды (вначале их называли конференциями) и студенческие кружки, как форма религиозной работы с молодежью, были заимствованы Движением у протестантских молодежных организаций ИМКА и ВСХФ¹. Протестантские конференции проводились за городом, в арендованном на неделю небольшом замке или усадьбе. В их программу входили медитативные размышления над отрывками из Св. Писания, лекции на библейские темы, семинары по методикам работы в кружках, спортивные игры (чаще всего волейбол), свободное общение. Приняв внешнюю

1. ИМКА (YMCA — *Young Men's Christian Association*) — Христианская ассоциация молодых людей; ВСХФ — Всемирная студенческая христианская федерация.

форму подобных встреч, РСХД наполнило их своим содержанием. Это произошло не без некоторой борьбы и стало возможно лишь благодаря настойчивости православных участников.

В среде русской эмиграции в Европе начала 1920-х гг. сложилась уникальная ситуация. Она возникла благодаря, во-первых, добровольной эмиграции или принудительной высылке из России крупнейших религиозных мыслителей того времени; во-вторых, помощи со стороны руководителей ИМКА и ВСХФ — организаций, которые в это время активно развивали благотворительную деятельность в Европе (отметим, что помощь православным была бескорыстной, это была поддержка православной церкви из-за гонений в России). В-третьих, важно, что православная церковь в эмиграции оказалась в условиях невиданной свободы — вне связи с государством (ни контроля имперской, ни гонений советской властей). А вынужденное близкое соседство с инославными, общение с ними повлекло изменение отношения к экуменическим вопросам.

В результате сформировалось определенное сообщество, состоявшее из, во-первых, русских мыслителей, которые занимались интеллектуальной деятельностью, в частности, философским осмыслением духовных процессов в до- и пореволюционной России, затем — православных епископов и священников, выступавших гарантами церковности этого сообщества, и, наконец, протестантских лидеров (Д. Мотта, П. Андерсона, Д. Лаури, Р. Холлингера), осуществлявших материальную поддержку. Деятельность этого сообщества связана с несколькими начинаниями: созданием Н. А. Бердяевым в 1922 г. в Берлине Религиозно-философской академии, переориентацией издательства YMCA-press в 1923 г. на публикацию произведений русских философов, а также открытием Свято-Сергиевского института и началом издания журнала «Путь» в Париже в 1925 г.

В рамках этого взаимодействия русских профессоров и протестантских лидеров, а также бывших руководителей христианского студенческого движения, существовавшего в дореволюционной России, родилось РСХД. При этом выявилось важное расхождение с протестантами, которые предполагали создать будущую организацию русской молодежи по аналогии с ИМКА на основе интерконфессионализма. Для русских профессоров и многих студентов, вера которых в Православную церковь была глубокой, прочной и бескомпромиссной, интерконфессиональный базис был неприемлем. Православным участникам диалога

предстояло убедить протестантских в том, что будущая молодежная организация должна быть построена как православная и церковная.

Первый съезд, состоявшийся в октябре 1923 г. в местечке Пшеров (Чехословакия), сыграл ключевую роль в истории РСХД. В нем приняли участие профессора В. В. Зеньковский (он был бессменным председателем РСХД до конца жизни), о. Сергей Булгаков, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, которые стали руководителями движения. Важно, что в работе съезда участвовали православные епископы — Сергей (Королев) и Вениамин (Федченков). На съезд приехали представители студенческих кружков из 11 городов Европы, в том числе из Праги, Берлина, Парижа, Софии, Белграда. Из молодых участников съезда надо особо выделить Николая Зернова, который был организатором православного кружка в Белграде. Кроме того, среди студентов были Елена Полонская, в будущем известный астроном, позже принявшая монашеский постриг, Юлия Рейтлингер, впоследствии иконописец сестра Иоанна, Татьяна Дезен, активный член РСХД в Эстонии, расстрелянная НКВД в 1941 г. Протестантские организации представляли Р. Роуз, Р. Г. Холлингер (ВСХФ) и некоторые другие [*Конференция, 33–34*].

Программа съезда во многом походила на программы конференций ИМКА и ВСХФ, однако в самом начале в нее были внесены существенные изменения, благодаря которым конференция превратилась в православный собор. В. В. Зеньковский и о. Сергей Булгаков предложили в первый день, еще до начала заседания, в 6 часов утра служить литургию, на которую совершенно неожиданно для организаторов собрались все участники съезда. О том, как вдохновенно служил литургии о. Сергей Булгаков, вспоминал протестантский лидер Пол Андерсон:

Отец Сергей каждую литургию превращал в подлинную Тайную Вечерю Господа нашего. Когда он воздевал руки над хлебом и вином, прося свершиться Чудо Пресуществления, казалось, что это первая литургия после того четверга, когда Христос раздал ученикам хлеб и вино Причастия. В церкви на его литургии стояла мертвая тишина, все прихожане молились на коленях, а многие простертые ниц, в полном смирении перед присутствием Христа [*Андерсон, 270*].

Литургией начинался каждый день работы съезда, а вечером каждого дня служили всенощную. Богослужение возглавляли

еп. Сергей, еп. Вениамин и о. Сергей, а хор состоял из студентов [*Конференция, 34*]. Участие молодежи в богослужениях имело особое значение: четкое и ясное пение раскрывало смысл текстов, становилось откровением о Православии, его полноте и богатстве. Церковь и молитва стали общим центром съезда [*Зеньковский. Зарождение РСХД, 22*].

Каждый день в первой половине дня делался основной доклад. В. В. Зеньковский выбрал тему «Психология религиозных кризисов», А. В. Карташев — «Русское религиозное движение в XIX и XX веке», Н. А. Бердяев — «Русский религиозный тип», о. Сергей Булгаков — «Пути и формы христианской активности». По воспоминаниям В. В. Зеньковского, благодаря этим докладам — в силу как высочайшего уровня их содержания, так и духовно-эмоционального подъема самих докладчиков — были преодолены главные преграды для образующегося Движения. Н. А. Бердяев четко показал слабость интерконфессионального подхода, доказав, что он снижает церковное сознание до минимума. А. В. Карташев говорил «о назревшей необходимости организации церковных сил, о выявлении полноты и богатства Православия в жизни». Общая идея докладов, как ее определил о. Сергей Булгаков — «оцерковление жизни», т. е. воцерковление всех сфер — общественной, национальной, государственной, культурной через постоянно углубляющуюся связь с Церковью [*Зеньковский. Зарождение РСХД, 24–25*].

Неформальное общение участников съезда, всегда являвшееся атрибутом протестантских конференций, здесь, в Пшерове, приобрело новое значение. И еп. Сергей, и еп. Вениамин на съезде были окружены молодежью. Рассказы еп. Вениамина об о. Иоанне Кронштадтском, которого он знал лично, о других православных подвижниках являлись личным свидетельством, передачей веры и традиции [*Зеньковский. Зарождение РСХД, 26–27*].

Духовной вершиной пшеровского съезда стал его последний день: за исповедью, которая длилась почти всю ночь, последовала литургия с общим причастием. Все участники ощущали необыкновенный духовный подъем, выражением которого стало пение пасхального тропаря:

Наши души осветились светом яркого солнца, хотелось петь и приветствовать друг друга лучшим приветствием. Мы запели «Христос воскрес» [*Конференция, 41*].

Сложившееся к концу съезда единство, прожитый опыт общей молитвы, совместного причащения св. таинствами и стали тем явлением соборности, которое было названо в Движении «Пшеровская Пятидесятница» [Зеньковский. *История РСХД*, 363].

Первый съезд в Пшерове дал импульс дальнейшему развитию РСХД. Съезды Движения — и общие, и местные — ставили одну и ту же цель: помочь молодежи в раскрытии смысла и значения христианской веры. При этом они были нацелены и на соборность:

Члены Движения и их друзья собираются вместе и проводят неделю в молитве, богомыслии и дружеском общении, увенчивая этот труд общей исповедью и Причащением Св. Таин [Зандер. *Уродных святых, 3*].

Проводились съезды вне больших городов — для того, чтобы оторваться от городской суеты и сконцентрироваться на духовных вопросах. Иногда они проходили в православных монастырях, но чаще всего арендовался небольшой замок или усадьба, в одном из помещений которого устраивалась походная церковь.

Количество участников общих съездов РСХД было около 70 человек, местных — от 40 (например, в Германии) до 300 (в Прибалтике). В их числе были православные епископы и священники (иногда одновременно три-четыре епископа и до десяти священников и дьяконов), руководители и секретари РСХД, молодежь — представители кружков, а также приглашенные гости — друзья-протестанты из ИМКА и ВСХФ. Общие съезды проходили при участии делегатов молодежных кружков от региональных объединений РСХД и не могли быть многочисленными. Местные съезды отличались от общих тем, что они были открыты для всех членов РСХД, а также для заинтересовавшихся работой Движения. В Эстонии проводились съезды не только для студенческой, но также и для рабочей и крестьянской молодежи. Особого внимания заслуживает вклад в работу местных съездов православных епископов и священников, участвовавших в деятельности РСХД или с симпатией относившихся к ней, что особенно широко было распространено в Латвии и Эстонии: иногда местные священники приглашали проводить съезды в своих приходах — для свидетельства о православии и борьбы с атеизмом [Эстония, 1].

Для всех участников съезды Движения являлись в первую очередь событием духовным. По мнению многих авторов отчетов,

невозможно передать внутреннее состояние участников съезда, как и события в целом [Зандер. *У родных святынь*, 3]. При этом съезды проходили по четко разработанной программе, каждый день был точно спланирован: богослужение, доклады и их обсуждение, семинары, сообщения о жизни кружков и пр. Тремя основными составляющими съезда были молитва, духовное просвещение и свободное общение.

Богослужение и молитва стали духовным центром всех съездов РСХД. Некоторые съезды организовывались в местах, где были церкви, или в монастырях (в Пюхтицком, Псково-Печорском, Хоповском (Сербия)). Однако в большинстве случаев во время съездов устраивался походный храм — с полотном вместо иконостаса, с бумажными иконами и горшками с песком, в которые ставили свечи — «и часто сук березы или осины, украшенный привезенным с собой сулком, служил архиерейским посохом» [Зандер. *У родных святынь*, 7].

Ежедневный четкий молитвенный ритм был духовным стержнем съездов, и включение в него помогало приобрести личный опыт молитвы многим участникам, у кого-то он оставался на всю жизнь. Таким образом, съезды РСХД становились школой молитвы для молодежи. «К концу съезда хор, который в начале путается и ошибается, поет громко, радостно и уверенно» [Зандер. *У родных святынь*, 7]. Богослужение было внутренне собранным, в храме пели все присутствующие. :

Руководители Движения придавали большое значение проповедям, которые произносили священнослужители во время богослужений. Их темы планировались заранее и раскрывали основные задачи РСХД [*Протокол (архив)*, 2]. В отличие от докладов, проповеди очень редко записывались, поэтому почти невозможно найти их конспекты или пересказ содержания. Вот один из редких примеров:

Съезд открылся... молебном, совершенным преосвященным Иоанном Печерским [Эстония] в походной церкви Движения. В своем слове, сказанном на текст Евангелия от Иоанна: «Господи, к кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни», владыка призывал Движение не ослабевать в своем стремлении собирать русскую молодежь вокруг Православной Церкви для предстоящей в России борьбы за имя Христово [*Жизнь Движения*, 26].

Самая торжественная часть — литургия в последний день съезда, ее вдохновение подготавливалось проживанием всех его

дней. Накануне совершалась общая, затем частная исповедь, которая порой затягивалась до утра, и молодежь оставалась в храме всю ночь. Общее причастие становилось духовной вершиной съездов:

Воистину Сионскую горницу переживали мы на наших съездах, когда все вместе, единой семьей шли к Святой Чаше [Зандер. *У родных святынь*, 6].

Необходимо отметить направленность РСХД на частое причастие. В дореволюционной России ежегодное причащение было обязательным для подтверждения своей принадлежности к православию и превратилось в формальность, которую многие не исполняли. Это ярко иллюстрирует тот факт, что на съездах РСХД некоторые участники (кому было около 20–25 лет) нередко подходили к причастию впервые (!) в жизни [Зандер. *У родных святынь*, 5]. В то время считалось, что православным мирянам достаточно причащаться один раз в год, хотя активные верующие могли присутствовать на богослужении каждую неделю. Вопрос о частоте причащения был поднят на Поместном соборе 1917–1918 гг., и было рекомендовано, со ссылкой на святоотеческие творения, вернуться к первохристианской практике причащения каждый воскресный день [Иларион, 2]. По некоторым свидетельствам, духовные наставники РСХД призывали молодежь причащаться не менее четырех раз в год: во время общего причащения на съездах и на некоторые праздники. Так, о. Сергей Четвериков предлагал членам Юношеского содружества (молодежного братского объединения в Париже) причащаться всем вместе в Неделю Православия, в первый день Пасхи, на Введение Пресвятой Богородицы (праздник Движения) [Четвериков, 5–6].

«Причащаться не менее четырех раз в год» — так звучит один из пунктов обета, который давали члены братства Серафима Саровского² [Устав, 14]. Разумеется, это было не требованием, а только призывом, и не всегда молодежь исполняла наставления руководителей, но для того времени и это уже было большим достижением, первым шагом к литургическому возрождению.

2. Братство во имя прп. Серафима Саровского существовало в Белграде в 1925–1927 гг., входило в РСХД. Среди членов этого братства были Николай, Софья и Мария Зерновы, Николай и Дмитрий Клепинины, Н. Афанасьев, К. Керн, духовный руководитель — митр. Антоний (Храповицкий).

Осознание необходимости евхаристического возрождения, однако, не было связано с литургическим творчеством, хотя в Движении не раз возникали мысли о переводе богослужения или Священного писания на русский язык. Секретарь РСХД Л. А. Зандер писал:

Как раз во время этих служб³ с особенной ясностью, доходящей до тревоги и боли, чувствуется необходимость преобразования языка богослужений, необходимость приближения его к «современности» или путем обновления устаревшей части славянских оборотов и нового, более грамматически и синтаксически «свободного» перевода, или путем усиления (увеличения) пения (с канонархом) за счет чтений [*Съезд крестьянской молодежи, 31*].

Но за все время существования РСХД, включая послевоенный период, богослужение так и не было переведено на русский язык. Н. М. Зернов, который был секретарем РСХД в 1920-е гг., с огорчением констатировал факт, что за 50 лет своего существования Движение не привнесло в жизнь церкви ни новых молитв или чинопоследований, ни переводов. Причиной такой инертности, несмотря на уникальные условия свободы и создание школы богословия, была постоянная надежда на возвращение на родину:

Обычная оговорка была: «ничего не надо менять пока мы не вернемся в Россию, только там все перемены станут законными». Драгоценное время было упущено, возможности не использованы [*Зернов, 96*].

С молитвенной жизнью было неразрывно связано второе направление съездов — *духовное просвещение*, или «богомыслие» [*Зандер. У родных святынь, 5*]. Это были лекции духовенства, православных ученых и философов, семинары, евангельские кружки, доклады о жизни кружков. В разные годы в съездах участвовали профессоры о. Сергей Булгаков, В. В. Зеньковский, Н. А. Бердяев, А. В. Карташев, П. И. Новгородцев, Б. П. Выше-славцев, Г. В. Флоровский, Г. П. Федотов и другие — в основном преподаватели Свято-Сергиевского богословского института, составлявшие цвет интеллектуальной религиозной мысли того времени. Их доклады были посвящены фундаментальным

3. Имеются в виду богослужения на съездах РСХД.

богословским или церковно-историческим темам и охватывали довольно широкий круг вопросов, раскрывающих задачи Движения в разных направлениях: богословие и догматика, православная аскетика, социальное служение, жизнь верующих и положение православной церкви в России, внутренние вопросы Движения, отношения РСХД с церковной иерархией, экуменические вопросы.

Важной темой докладов и семинаров на съездах было осмысление собственной жизни Движения. Определив свои цели на первом Пшеровском съезде в 1923 г., оно постепенно проясняло пути своего развития. Необходимо было отвечать на запросы современной ситуации в связи с расколами в православной церкви, возрастающим национализмом. В РСХД возникали внутренние проблемы, которые часто разрешались на съездах, здесь же участники Движения осмыслили свою жизнь — об этом свидетельствуют отчеты жизни кружков. Постоянной темой было положение церкви в России, гонения со стороны советской власти, антирелигиозная пропаганда среди молодежи. Не менее важными были экуменические вопросы, хотя они и не занимали центральное место на съездах — общение с протестантскими друзьями вылилось в результате в ряд англикано-православных конференций, проведенных во Франции в конце 1930-х гг. Н. А. Бердяев, один из основателей Движения, участвовал во всех общих съездах и в большинстве съездов РСХД во Франции. В своих докладах он ориентировал молодежь на активную христианскую позицию, социальное служение и свободное творчество. В автобиографии Бердяев писал:

Я с самого начала этого движения принимал в нем активное участие... Я старался повысить умственные интересы русской христианской молодежи, пробудить интерес хотя бы к истории русской религиозной мысли, привить вкус к свободе, обратить внимание на социальные последствия христианства [Бердяев, 240].

Помимо докладов на общих и местных съездах обязательно проводились евангельские кружки (чтение и разбор определенного евангельского отрывка), так как руководители Движения считали Евангелие основой жизни христиан. Семинары, тематические и евангельские кружки играли не меньшую роль, чем доклады, и были не менее интересны — они проходили в форме оживленных бесед.

Личному общению придавалось особое значение, руководители считали его третьей составляющей съездов РСХД. Для него ежедневно отводилось специальное время — «свободные часы» с двух до пяти, а в середине съезда с этой целью обычно устраивалась однодневная прогулка. Вся обстановка располагала к общению, студенты иногда увлекались до того, что пропускали лекции [Федотов, 26]. Для молодежи особенно важна была возможность обращаться за советами в духовной жизни к духовенству, руководителям и секретарям Движения.

Православное духовенство и епископат тесно общались с членами Движения. Участие епископов в съездах никогда не было формальным. Митр. Евлогий (Георгиевский), который высоко ценил и поддерживал деятельность Движения, знал многих его членов лично и по мере возможности принимал участие в общих и местных съездах РСХД во Франции. Туда приезжали также архиеп. Владимир (Тихоницкий), еп. Сергей (Королев), православные епископы Прибалтики [Жизнь Движения, 26]. Глава РПЗЦ митр. Антоний (Храповицкий) до Карловацкого раскола также принимал большое участие в работе РСХД, в том числе и в его съездах. По воспоминаниям В. В. Зеньковского, митр. Антоний очень любил молодежь, и та отвечала ему любовью и искала общения с ним.

Какое-то благостное отеческое радушие и заботливость Владыки не покидали его до конца съезда — он не пропускал ни одного собрания, большей частью внимательно все выслушивал и говорил обыкновенно по нарочитой просьбе кого-либо. Молодежь, со своей стороны, окруживши Владыку чрезвычайной любовью, жадно искала его указаний, его советов решительно по всем вопросам [Зеньковский. *Мое участие*, 110–111].

Среди участников общих и местных съездов РСХД были представители православного духовенства — участники Движения и его друзья. Во всех странах, где были кружки и собирались съезды Движения, всегда находились заинтересованные православные священники, которые поддерживали его деятельность — в Чехословакии, Германии, Болгарии, Латвии и Эстонии. В съездах, как и во всей деятельности Движения, принимали участие священники, принявшие сан до революции (например, прот. Сергей Четвериков, прот. Георгий Шавельский), священники из эмигрантов (о. Александр Калашников), и духовенство из членов РСХД (архим. Исаакий (Виноградов) (Прага), о. Георгий Шумкин,

о. Дмитрий Клепинин (Париж), о. Александр Киселев (Эстония)). На съездах священники проводили богослужение, произносили проповеди, читали доклады и участвовали в прениях, но самым главным было личное общение с молодежью.

Большое значение в деятельности РСХД играл духовник Движения о. Сергей Четвериков⁴, который так же, как и многие руководители РСХД, был участником Поместного собора 1917–1918 гг. Отец Сергей высоко ценил РСХД, считая его деятельность служением Церкви. В выступлениях на съездах о. Сергей Четвериков анализировал духовные проблемы Движения, основным содержанием его выступлений было наставление молодежи в духовной работе над собой.

По свидетельству секретарей РСХД, при проведении съездов Движения каждый раз существовал риск, что съезд как собор не состоится — ведь вместе собирались очень разные люди по возрасту, профессии, происхождению, и было неизвестно, найдется ли то общее, ради чего они собрались [*Зандер. У родных святых*, 5]. Серьезное отношение к составлению и строгому проведению программы основывалось на убеждении, что церковная жизнь не терпит анархии, духовный труд должен быть, с одной стороны, организованным и, с другой, соборным.

Личные религиозные переживания входят в общий ритм и должны подчиняться церковной норме — «для того, чтобы не впасть в безответственный индивидуализм или истерику» [*Зандер. У родных святых*, 4]. Вся жизнь съезда становится общим хором, единым организмом, который тем сильнее, чем более ощущают это единство члены съезда, и чем больше они включаются в него. При этом не происходит подавления личной свободы, ведь «только тот, кто смирит свое я и подчинит его высшей норме, познает радость духовного освобождения» [*Зандер. У родных святых*, 4]. Преодоление конфликтных ситуаций происходит не за счет взаимных компромиссов или голосований, но на основе молитвы:

Путем доверия друг к другу, путем любви к общему делу, путем вкоренения себя в более глубокие церковные слои, чем личные устремления и взгляды,

4. Прот. Сергей Четвериков до революции был связан с Оптиной пустыней. Он обладал большим опытом работы с молодежью — начинал свою пастырскую деятельность в Воздвиженском братстве Н. Н. Неплюева [*Игнатович*, 46], затем

был духовником Кадетского училища. В эмиграции о. Сергей сначала жил в Братиславе и руководил молодежным кружком Движения, с 1928 г. стал духовником РСХД.

путем веры, что все эти различия суть выражения многообразно окрашенной ревности к единому Православию [Зандер. *Бьервильский съезд*, 120].

Этот настрой на внутреннюю работу — преодоление себя и своих настроений на основе углубления собственной церковности — был вкладом каждого участника в соборное единство съезда и, одновременно, вхождением в него. Духовная высота съездов оставалась в памяти участников радостью и светом, становилась личным религиозным опытом — в переживании реальности бытия Божьего и раскрытии смысла христианства.

Так на съездах достигалась их главная цель — способствовать воцерковлению молодежи. В то же время съезды РСХД становились явлением более значительным и широким, чем школа религиозной жизни для молодого поколения. Происходило собиране живых сил церкви — творческой православной интеллигенции, священства и мирян, возрождение соборности в духе Поместного собора 1917–1918 гг. Съезды, будучи наиболее сконцентрированным выражением всей деятельности Движения, становились ярким проявлением соборного начала РСХД: они были воплощением, практикой соборной жизни церкви, выявляли в реальной жизни те черты соборности, о которых размышляли руководители Движения — тесную взаимосвязь соборности и личной свободы, основанную на служении евхаристии.

Источники и литература

1. *Андерсон* = Андерсон П. Ф. Бердяевские годы 1922–1939 // Вестник РХД. 1985. № 144. С. 244–291.
2. *Бердяев* = Бердяев Н. А. Самопознание. М. : Международные отношения, 1990. 336 с.
3. *Гуревич* = Гуревич А. Л. Культурно-религиозная деятельность русской эмиграции : По материалам истории Русского студенческого христианского движения : Диссертация канд. ист. наук. М., 2005. 265 с.
4. *Жизнь Движения* = Жизнь Движения // Вестник РСХД. 1930. № 11. С. 26–29.
5. *Зандер. Бьервильский съезд* = Зандер Л. А. Бьервильский съезд // Путь. 1927. № 6. С. 120–125.
6. *Зандер. Клермонтский съезд* = Зандер. Клермонтский съезд // Путь. 1927. № 6. С. 115–119.

7. *Зандер. У родных святынь* = Зандер Л. А. У родных святынь : II съезд Русского христианского студенческого движения в Прибалтике, Печерский монастырь 3–11 августа 1929. Ревель : Изд-во РСХД, 1929. 70 с.
8. *Зеньковский. Зарождение РСХД* = Зеньковский Василий, прот. Зарождение РСХД в эмиграции // Вестник РХД. 1993. № 168. С. 5–40.
9. *Зеньковский. История РСХД* = Зеньковский Василий, прот. Русское студенческое христианское движение : История, деятельность, задачи // Собр. соч. : В 2 т. М. : Русский путь, 2008. Т. 2. С. 361–387.
10. *Зеньковский. Мое участие* = Зеньковский Василий, прот. Мое участие в РСХД // Вестник РХД. 1998. № 177. С. 83–121.
11. *Зернов* = Зернов Н. М. Русское студенческое христианское движение зарубежом // Русская религиозно-философская мысль XX века : Сб. статей / Под ред. Н. П. Полторацкого. Питтсбург : Отд. славян. яз. и лит. Питтсбургского ун-та, 1975. С. 92–98.
12. *Игнатович* = Игнатович Н. Д. Христианское воспитание в школах Н. Н. Неплюева в конце XIX — начале XX века // Свет Христов просвещает всех : Альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2012. Вып. 5. С. 36–65.
13. *Иларион* = Иларион (Алфеев), митр. Евхаристия — сердцевина жизни христианина. URL: <http://www.kiev-orthodox.org/site/byauthor/90> (дата обращения: 10.10.2013).
14. *Конференция* = Конференция русских христианских студенческих кружков в Европе // Духовный мир студенчества. 1925. № 3. С. 33–41.
15. *Протокол (архив)* = Протокол заседания Секретариата РСХД от 18 августа 1927 г. Архив РСХД. Кор. 1. Папка 3.
16. *Протокол* = Протокол заседания Бюро РСХД // Вестник РСХД. 1925. № 1. С. 3–4.
17. *Список* = Список участников 4 съезда РСХД во Франции (1927 г.). Архив РСХД. Кор. 1. Папка 3.
18. *Съезд крестьянской молодежи* = Съезд крестьянской молодежи // Вестник РСХД. 1935. № 6–7. С. 29–34.
19. *Устав* = Устав и обет Православного братства имени Преподобного Серафима Саровского // Вестник РСХД. 1926. № 2. С. 13–14.
20. *Федотов* = Федотов Г. П. Третий Клермон // Вестник РСХД. 1928. № 9. С. 25–28.
21. *Четвериков* = Четвериков С., прот. Что такое содружество и чем оно хочет быть // Вестник РСХД. 1930. № 10. С. 4–13.
22. *Эстония* = Эстония (отчет деятельности Движения в Эстонии) 1939 г. Архив РСХД. Кор. 3. Папка 1.

U. A. Gutner

Russian Student Cristian Movement conferences as a manifestation of Orthodox church sobornost

The article presents the history of RSCM as an example of sobornost revival in the early XX century Orthodox Church. The First RSCM conference in Prerov defined the framework for all RSCM activities and further conferences. General and local RSCM conferences were marked with openly shared church fellowship and unity between laymen and the clergy. This unity was built up gradually through common effort and manifested itself in several ways: in personal fellowship between priests, professors and young RSCM members, through lectures and seminars, which revealed the depths of Orthodox spirituality, and in the Orthodox Liturgy as the focal point of sobornost. Celebrating communion at the end of these conference-councils was their highest spiritual point.

KEYWORDS: Russian Student Cristian Movement, Prerov conference, liturgical revival, spiritual education, sobornost.